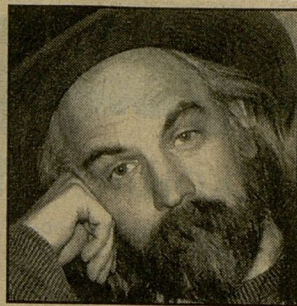

Над чем смеется Алексей

Сегодня нам трудно представить, что будут рисовать художники-карикатуристы через 50 лет. Еще труднее вообразить, как они будут это делать. Но хочется верить, что карикатура как газетный жанр сохранится (если, конечно, уцелеют сами газеты). Москву же нашего времени, то есть конца 90-х, невозможно представить без карикатур Алексея Меринова — они практически ежедневно появляются на страницах самой популярной столичной газеты «Московский комсомолец».

Меринов

— Алексей, твоей плодовитости можно позавидовать. Бумагу, наверное, кипами изводишь?

— На бумаге я с детства не экономил. У меня мама работала в секторе спортивной медицины в Лужниках. А там, помню, была бумага для кардиограмм в рулонах. Так вот, она расстилала ее на пол от стены до стены, а я ее разрисовывал битвами, в которых красноармейцы «мочили» буржуев. Буржуи были почему-то в трусах до колен и бежали с мешками денег, а красноармейцы штками прокалывали им пузо.

— Чувствуется влияние «Крокодила».

— Да, было, конечно. От «Крокодила» никуда не деться, потому что он был единственным юмористическим журналом в стране в то время. Но большее влияние на меня оказали комиксы и Микки Маус. Отец часто ездил за границу и привозил мне оттуда комиксы. Так что тлетворное влияние Запада на мое творчество очевидно.

— Интересно, а свои рисунки ты когда-нибудь в «Крокодил» носил?

— Носил. Прихожу как-то, а там такие мужики серьезные сидят. Седые, сталинской заправки. Говорят мне: «Сокол ты наш, видишь — у нас, вон, свои орлы сидят. Им-то делать что? Как на хлеб зарабатывать? Ты, конечно, картинку носи, а вот мастера современной советской карикатуры их будут перерисовывать. Ну и ты свою долю будешь иметь». Я им пожелал доброго здоровья, долгих лет и ушел.

— Ну а дальше что? Как ты все-таки начал печататься?

— Я с группой товарищей снимал дачу в Немчиновке в Одинцовском районе. Мы там гуляли, веселились. А в местной единственной газете не было художника. Вот мне тамшние журналисты и говорят: «Ты все равно сутками дурака валяешь — порисуй нам, а мы представим тебя как паренка из Немчиновки, с рабочей окраины. Гонорар получать будешь». У меня в то время слово «гонорар» ассоциировалось с какими-то безумными суммами. Человек, заявляющий — я живу на гонорар, был в моем понимании человеком, который уже всего достиг. И вот присылают гонорар. Два рубля двадцать семь копеек — точно, копейка в копейку, как стоил в то время портвейн «Кавказ». Я им говорю: «Вы лучше присылайте его в местный винный отдел — я буду ходить и брать натурой». Когда напечатали мой первый рисунок, я набрал экземпляров пятьсот газет. Еду в метро, кипа газет через руку, как полотно у официанта, а на меня никто не смотрит. Ну, думаю, идиоты. Едут рядом с великим художником и никто не смотрит. Так я начал печататься.

— На такие гонорары не разгуляешься. К портвейну, между прочим, закуска нужна. Чем ты зарабатывал на жизнь?

— Одно время я работал в государственном хранилище алмазов, колло алмазы. Потом ушел в строительное управление. Там я работал художником, а числился транспортным рабочим. Писал плакаты, транспаранты «Не стой под стрелой», «Носи каску». Особенно мне удавался плакат «Устал — отдохни!». Все участки заказывали побольше этих плакатов. Потом пришел новый начальник и спросил про меня: «Это кто?» Ему говорят: «Художник». А он: «У меня что тут, блин, галерея? А ну-ка марш на трассу!» На трассу я как-то не захотел и быстро сбежал, устроившись в театр «Ромэн» бутафором. Там я умудрился поставить три спектакля как художник-постановщик. Со страху, наверное. В этот период я метался между

тому что ближе алкоголя и алкогольной темы для народа ничего нет. Премии выдали натурой — ящиком водки, который тут же начал опустошаться — за победу. Я соответствовал призу. Вообще это одна из самых моих любимых тем. Все приложения, которые происходили со мной и моими друзьями, я отражаю в своем творчестве. — И часто бывают приключения?

— Примерно раз в два месяца. Это дает мне встряску, необходимую для творчества. После этого из меня бьет фонтан — рождается масса рисунков. Кстати говоря, я недавно побывал на «Авроре». Дело бы так. Я с друзьями пошел в баню. Далее сюжет развивался почти как в любимом народом фильме «Ирония судьбы». Кто-то запел матросскую песню из репертуара митков, и это послужило импульсом. На следующий день я пришел в себя в «Литературном кафе» на Невском. Поехали на «Аврору». А там дядька, эдакий семидесятилетний морской волк, никак не мог поверить, что пятеро мужиков специально приехали из Москвы посмотреть «Аврору». Он нас потом два часа мотал по кораблю, вдоль и поперек. Проходы там узенькие — я все трубы побивал головой.

— Выходит, ты склонен к экстравагантным поступкам?

— Бывает. В свой прошлый день рождения я, например, приехал на работу на лошади. Охрана жутко перепугалась. Я их спрашиваю: «В чем дело? На «Мерседесе» можно, а на мерине нельзя?» Они: «Мы сейчас вызовем главного охранника!» Я говорю: «А что, он тоже на лошади? Тогда сейчас сразимся!» Причем, я на лошади пытался въехать на третий этаж в буфет. Когда я спустился два дня, появился на работе, тот охранник первым делом спросил меня: «Вы сегодня пеший?» А я слабо все помнил. Думаю, почему он назвал меня пешим? Потом друзья мне рассказали.

— На машине ты, наверное, чаще едешь, чем на лошадах?

— Машина есть, но водит ее жена. Я и тут устроился очень хорошо. У меня такая реакция, что могу и пешим врезаться в столб. О чем-то своем, о девичьем, задумался — и столб мой.

— Значит, жена в роли личного шофера?

— Совершенно верно. Я ей так и говорю, прикасаюсь к плечу: «Трогай, любезная!» И поехали по друзьям. А вечером меня, довольного и уставшего, она из машины и выносит. — Протесты по этому поводу возникают?

— Возникают иногда. Как в Албании. Но я, конечно, гашу. Есть приемы. А вообще у меня очень нежное отношение к семье. Особенно когда выпью немножко — рюмочку-другую. Тогда я становлюсь очень любвеобильным. Тут как-то с криком: «Нешто моя дочка от папы сырка глазированного получить не может!» — скупил в редакционном буфете все сырки. Привез домой, утром просыпаюсь — вся квартира в сырках. Спрашиваю у жены: «Маша, это что?» «Ты вчера 300 штук привез», — говорит, — ешь, может, они отравленные». Съел я один, больше не могу. И тогда жена отвезла их в школу. А там все учителя говорят: «Е-мое! У вас что, муж моченат?» «Хуже», — отвечает, — он выпивающий».

— И часто «употребляешь»?

— Не то чтобы часто, но бывает.

— А работе не мешает?

— Наоборот. У меня, как ни странно, самые удачные работы получаются в том состоянии, в котором другие бегут пить пиво. Потому что мозг работает совершенно отдельно от организма и такие вещи иногда выдает, что понимаешь — если бы ты пил только молоко, то никогда ничего подобного не придумал. Это мое главное оправдание перед женой. Вообще я непьющих людей не понимаю. Это или шпионы, или предатели какие-то. Человек, который по доброй воле не выпил рюмочку-другую, — это враг народа.

— У тебя чисто русский взгляд на эту проблему.

— Не скажи. Я тут недавно в Лондоне был. Так вот, британцы — пьющая нация, оказывается. Мы вообще дети по сравнению с ними. В пятницу я в Сохо ни одного трезвого человека не видел. А в субботу утром зашли в паб — в очереди пришлось стоять. У этих гордых

лондонцев, этих чопорных британцев руки тряслись. Я понял — это же наши люди. Я был во Франции, Италии, Америке. Там спокойно — все курят, вино свое пьют мизерными дозами с наперсток. А лондонцы — это наши. Я их зауважал.

— Интересно, когда ты по лондонским пабам или «Авроре» мотаешься, газета ведь не закрывается? Она выходит ежедневно, и в каждом номере обязательно несколько твоих рисунков. Ты их что, по факсу отправляешь?

— В последнее время у нас в стране ничего принципиально нового не происходит. Все как-то по кругу бегаем. Бывает, что нарисованная два месяца назад картинка прекрасно ложится на сегодняшнюю ситуацию. И часто сделанный совершенно по другому поводу, а то и вовсе без повода рисунок настолько здорово подходит к материалу, что понимаешь: если бы специально иллюстрировал этот материал, получилось бы гораздо хуже.

— Что-то вроде хорошего афоризма, который можно употребить в различных ситуациях?

— Да. Или как музыка. Скажем, современный фильм, а в нем классическая музыка прошлого века. Но ложится прекрасно. Так что в порывах вдохновения я создаю запас, который позволяет мне иногда сменить обстановку. Для меня это жизненно важно. После каждой поездки я привожу по 50 — 70 рисунков. В Италии я даже до моря ни разу не дошел, сидел в номере и рисовал. Когда пошел фонтан, его нельзя остановить.

— Я бы такой жизни не позавидовал.

— Это капкан, в который я сам себя загнал и из которого не могу выбраться. Такая игра с собой: могу ли я сегодня сделать еще один рисунок, и еще один, и еще... Такое дурацкое состязание с самим собой.

— При таком графике работы удается ли посмотреть телевизор или почитать?

— Телевизор смотрю мало, читаю в основном перед сном. У

меня последние три месяца настольной книгой был Уголовный кодекс. Не потому, что у меня какие-то трения с законом, просто мне заказали иллюстрации к новому Уголовному кодексу России. 366 уголовных статей, и на каждую статью мой рисунок.

— Юмористический?

— Конечно. Хотя в кодексе есть несколько статей, которые нужно было делать очень аккуратно. Такие, как убийство, скажем. Работа была напряженная: срок — три месяца, а 366 рисунков — это довольно приличное количество. Особенно если учесть, что от основной работы меня никто не освобождал. У меня чуть крыша не поехала. Вначале я путался в статьях, зато теперь дока по этой части. Если что-нибудь что-то говорит, я вмешиваюсь: «Так, это статья 171 — три года». А вообще у меня руки чешутся поработать над Конституцией. Ух, я бы развернулся!

— У тебя не возникает опасения, что когда-нибудь ты выдохнешься?

— Эта мысль иногда возникает, но что поделать — все мы когда-нибудь испишемся, изрисуемся. Хотелось бы, конечно, оттянуть конец. Но такие мрачные мысли обычно возникают, когда ничего путного в голову не приходит. Однако, я думаю, подобное состояние испытывали все творческие люди. Так что я не унываю. Если чувствую, что наступает застой, значит, необходимо встряхнуться.

— Как в случае с «Авророй»?

— А почему бы и нет? Проще надо относиться к жизни. Захотелось в Питер посмотреть на «Аврору»? Пожалуйста! Согласен — жену надо бы предупредить. Но тогда, может быть, и «Аврору» не было.

— Ты так спокойно, без тени смущения, рассказываешь о своих похождениях?

— Мой принцип — принимайте меня таким, какой я есть. Главное — отношение к себе. Надо знать себе не только цену, но и себестоимость. И где-то между этими величинами находиться.

Беседовал Андрей ДМИТРИЕВ.

